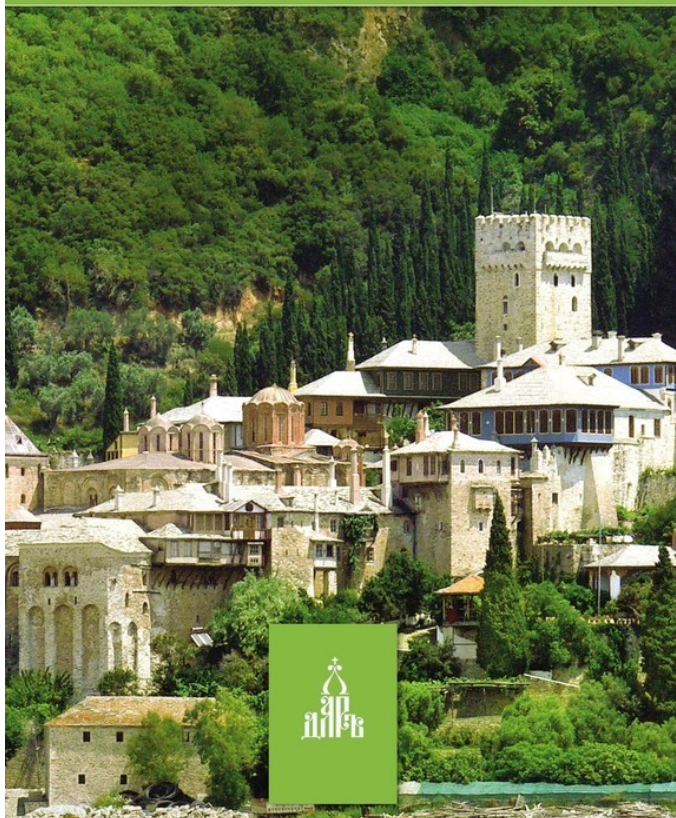


Павел Троицкий

Афонские встречи



Павел В. Троицкий

Афонские встречи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828387

Троицкий Павел Афонские встречи. Святая Гора глазами современного русского паломника: увлекательный рассказ о великих старцах прошлого, современных подвижниках, истории афонских монастырей, незабываемых впечатлениях и радостных открытиях: ДАРЪ; Москва;

2015

ISBN 978-5-485-00408-8

Аннотация

Автор книги – наш современник – Павел Троицкий (диакон Петр Пахомов). Он более десяти раз был на Афоне, много путешествовал, посещая монастыри и скиты, беседуя с монахами. Эта книга с большим количеством фотографий – описание его впечатлений, увлекательные рассказы о наиболее ярких страницах истории Афона, о тайнах и легендах Святой Горы, о великих старцах прошлого и о встречах с современными подвижниками.

Содержание

Предисловие	5
Ночное восхождение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Павел Троицкий
Афонские встречи. Святая
Гора глазами современного
русского паломника:
увлекательный рассказ о
великих старцах прошлого,
современных подвижниках,
истории афонских
монастырей, незабываемых
впечатлениях и
радостных открытиях

© Троицкий П., 2008

© Издательство «ДАРЪ», 2008

Рекомендовано к публикации Издательским
Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 13-307-1565

Предисловие

Но все-таки, брат писатель, если попадешь на Афон, не забудь записную книжку. Не верь Паустовскому, что это не обязательно. Потом всегда все вспоминается в перевернутом свете. Да и неповторимость впечатлений – сама по себе талант, заменить ее памятью или вдохновенными воспоминаниями невозможно.

Анатолий Даров¹

Эта книга – не историческое описание Святой Горы, но и не путевой дневник, с точностью отражающий все происшедшее. Это попытка описать свои впечатления от посещения Святой Горы. Мне приходилось много раз бывать на Афоне, и одни впечатления, события и встречи ныне накладываются на другие и образуют цельную картину. Остается надеяться, что она получилась достаточно правдивой. Неисчерпаемое богатство Афонской Горы подтолкнуло меня к изучению истории этого святого места. Исторические штрихи должны сделать картину яснее и четче.

Осмысление пути, пройденного по Афону, заставило задуматься: что же является самым большим богатством Святой Горы? Несомненно, нет на земле другого подобного ме-

¹ Даров А. Берег «Нет человека» (Афон современный и вечный). Нью-Йорк, 1966.

ста, где находится такое множество чудотворных икон и мощей. Это единственное в мире монашеское государство, сохранившее древние иноческие традиции. Но все сказанное не дает ответа на поставленный вопрос. И все же, как мне думается, он существует. Если бы кому-нибудь удалось разрушить все монастыри, похитить все иконы и мощи, но при этом осталось бы афонское братство, то Афон все равно был бы Афоном. И через некоторое время святогорские монастыри получили бы новых святых, а мы смогли бы вновь приложиться к мощам. Не стоит уже говорить о том, что человек, стяжавший благодать, сам по себе является святой иконой.

Если же не останется на Афоне тех, кто возносит свои молитвы к Богу, то Афон не будет уже Вертоградом Божией Матери, даже если он сохранит и мощи, и иконы, и древние стены своих монастырей. Это будет музей, пусть самый лучший музей мира. И можно сказать с уверенностью, что самое большое афонское богатство – это святые отцы, пока еще идущие тяжелыми земными тропами. На этой земле не рождаются. Здесь только умирают. Это, конечно, верно, но не совсем. На этой земле происходит рождение человека не от земных родителей, а от Бога. И человека не тленного и слабого, а в сиянии вечной славы. Всем прошедшим афонскими тропами удастся если не получить толику этой благодати, то хотя бы лицезреть ее сияние в других, видеть то сокровище, которое он должен обрести.

Про Афон написано много хороших книг, в том числе и современными авторами. Стоит ли прибавлять к ним еще одну? Нуждается ли Афон в рекламе? Не приведут ли подобные книги к расширению туристического бизнеса? Не наполнится ли Святая Гора любопытствующими, которые сделают монашескую жизнь невозможной? Отчасти такие опасения справедливы. И тут мне вспоминается рассказ одного священника про своего собрата, также служителя алтаря. Он был очень образованный человек и прочел много книг про Афон, возможно, даже на греческом языке, и, естественно, захотел побывать на Святой Горе. Успешно преодолев все дипломатические преграды, которые в недавнем прошлом действовали гораздо эффективнее, он не смог преодолеть самую, казалось бы, простую преграду на пути к Афону – бытовую. Когда батюшка вступил на святогорскую землю, он был поражен убогой обстановкой Пантелеимонова монастыря. Поскольку гости из России в те времена были еще очень редки, то немногие обитатели монастыря окружили батюшку, расспрашивая его о Родине. После этого батюшку отвели в самую лучшую гостевую келью, где было только жесткое ложе да гвоздь, на который можно было повесить подрясник. Не было ни душа, ни электричества. Словом, батюшка попал в живую старину. И после службы он на следующий же день поспешил покинуть столь тяжелую для проживания Афонскую Гору. Надо сказать, что если бы он посетил Пантелеимонов монастырь сегодня, то был бы принят гораздо лучше.



Вершина Святой Горы Афон почти всегда скрыта облаками

Предо мной раскрыт журнал «Вокруг света» за 1990 год. На фотографии мы видим самый простой трактор с прицепом, на котором восседает русский владыка со своими спутниками. Нынешние почетные паломники могут быть спокойны: сегодня на Афоне уже существуют хорошие дороги и автомобили высокого класса.

Так вот, никакая «реклама» не повредила бы Афону, если бы он оставался открыт только для тех, кто, преодолевая годы, болезни и нашу современную расслабленность, шел бы пешком под безжалостным солнцем по афонским доро-

гам: то спускающимся вниз, то снова устремляющимся наверх. Такой путник не будет писать пышные строки, полные искусственного восторга, не будет прятать реалии святогорской жизни за описаниями величественной афонской природы.

Только такой путник угоден Божией Матери, только такому путнику Она открывает самое большое богатство Афона.

Поэтому я, заканчивая сегодня это небольшое предисловие, хочу вспомнить всех тех, с кем делил кусок хлеба и глоток воды на афонских дорогах, с кем поднимался крутыми тропами и пробирался над бездонными пропастями, обливался потом и спал на камнях. Все это, конечно, малая жертва для Святой Горы, не сравнимая с той, которую приносили подвижники, всю жизнь проводя на этих кручах в непрестанных молитвах и трудах. Но все же это наша посильная жертва. И я хочу сказать моим спутникам спасибо за помощь, за твердую руку друга, за терпение и любовь, которые они ко мне проявляли.

Ночное восхождение

«Кто не был на пике Святой Горы, тот как бы не был и на всем Афоне, хотя бы и исходил вдоль и поперек весь полуостров», – убеждали друг друга паломники во времена Маевского, автора замечательной книги «Афонские рассказы». Эти слова не дают покоя и нам, хотя много лет уже минуло с тех пор. Валера, как всегда, полон решимости и развеивает все наши сомнения в целесообразности восхождения именно в данный момент. Но нужно еще убедить отца Кирилла проделать с нами этот путь, так как без него побывать на вершине – все равно что и не побывать. Хочется не просто подняться на самую высокую точку Афона, но помолиться там о себе и о наших близких. Отец Кирилл совсем недавно уже поднимался на вершину Афона, и мне кажется маловероятным, чтобы он вновь согласился на такую нелегкую дорогу всего два дня спустя. Но Валера с его деловым нажимом подвигает отца на это. Надо сказать, что сложность наших афонских странствий состоит всегда в одном и том же: в нехватке времени. Господь дает нам опять очень мало дней для пребывания на этой святой земле. А может, сама Игуменья самого большого как по численности, так и по размеру монастыря, в котором живут и греки, и русские, и сербы, и болгары, и румыны, и представители других народов, давших вселенскому Православию хоть несколько чад,

по нашим грехам выдает нам визу на достаточное для нас, но малое по продолжительности время. Так или иначе, но надо идти и просить транспорт, ведь ждать следующего дня, когда можно будет добраться до скита святой Анны на корабле, решительно невозможно по указанной выше причине. Неутомимый Валера и здесь не теряется, убедив отца Кирилла, стершего ноги во время недавнего подъема, что наймет ему мула, которого найти не проблема (будто бы у подножия горы они пасутся в большом количестве в ожидании немцев), и устремляется к игумену, чтобы попросить катер. Идет он к нему не просто так, а заручившись поддержкой о. Ф. и благочинного о. А.



Келья Панагия. На пути к вершине

Долго думает отец Иеремия, дать ли нам катер. Удивительно долго. О чем еще думает он, смотря, прищурившись, на море, трудно сказать. Вряд ли об экономии, не такая уж это серьезная затрата. Мы чувствуем напряжение этой решающей минуты, в которую выясняется, быть или не быть выполненными нашим планам. Но вот он небрежно махнул рукой, что-то прошептал, и, как бы продолжая движение его руки, мы уже несемся по морской глади к скиту святой Анны. В дорогу заботливый о. А. дал нам здоровенный арбуз, и нести его мы поручили Валериному сыну Диме. Ветер бьет в лицо, а сердца ликуют от близости долгожданной цели и тревожатся от ощущения нашего несоответствия ей: духовного и физического.

Вот уже видна сама Гора, которая сейчас кажется устрашающе высокой. Вот мы уже ступили на землю, вот начались первые трудности. Без трудностей, надо сказать, не бывает движения паломников по Афону. Как бы Сама Божия Матерь проверяет Своих поклонников, проверяет их веру, готовит их к встрече со святынями Православия, а кто готов, тех, наверное, и с живущими ныне святыми, которые, несомненно, есть здесь и будут до того момента, когда, по преданию, сама Игуменья покинет свою Святую Гору.

Трудности заключаются в том, что, во-первых, никто не собирается давать для нашего похода «муляриков», как мы шуточно называем мулов, которые стоят на пристани, — они

нужны для работы. Во-вторых, с первых же шагов оказывается, что нелегко подниматься даже по удобной лестнице, ведущей к скиту святой Анны. Под тяжестью непривычной для нас физической нагрузки едва хватает сил задуматься о том, сколько же труда надо было положить, чтобы вытянуть эту извилистую каменную ленту. Останавливаешься на секунду, чтобы вытереть пот, и возвращаешься к своим, – пусть гораздо меньшим, но своим, – трудам. Валера пытается гнаться за отцом Кириллом и своим примером даже подгонять его. Не хватает времени и сил оглянуться на тонущее в солнечных лучах Эгейское море. Эгейское море! Когда увидишь его еще раз? В Москве нет Эгейского моря.

Отец Кирилл в юности был неплохим спортсменом, и силы его не сравнить с нашими. Только то, что это его второй подъем подряд, спасает нас от позора. Но вот Дима, как и следовало ожидать, роняет гигантский арбуз, данный нам в Пантелеимоне. Он выскальзывает у него из рук, и мы получаем законное право на отдых. Восстанавливая силы арбузом, украдкой смотрю на своих спутников. По всем видно, что московский темп, рассчитанный на лестницу семнадцатизэтажного дома, слишком высок для афонской лестницы. К тому же солнце – хотя уже и не полуденное, но все-таки весьма жаркое – не дает нам остыть и, кажется, обжигает наши спины своими жалящими лучами.

Вот наконец и дверь скита святой Анны. Вот он – скит, так живо описанный в книге архимандрита Херувима, место

подвигов многих досточтимых старцев. Собственно, здесь лишь храм и архондарик², а сам скит, рассыпавшись на десятки мелких осколочков, которые как бы зацепились за скалы и ущелья, спрятался от глаз среди каменистых просторов подножия Афонской Горы. Интересно, сколько времени нужно провести на Афоне, сколько раз нужно приехать сюда, чтобы – нет, не постичь духовную высоту Святой Горы, на это и не дерзаем, но хотя бы узнать историю здешних мест, узнать о великих афонских подвижниках и подвигах, ими понесенных? С какой любовью описывает этот скит и старцев его времени архимандрит Херувим в книге «Из удела Божией Матери». «Отцы, с которыми я удостоился познакомиться, погребли все свои знания, аристократическое, царское происхождение, должности, почести, звания – общественные и военные – как излишние и бесполезные в скалах пустыни, в строгом скитском подчинении, в незаметности киновии³ и приобрели небесное Сокровище». «Отцы мои многовожделенные! В ваших оневеществившихся образах я увидел, рядом с вами вкусил, "яко благ Господь", ибо вы являетесь живыми сосудами Святого Духа, "благоухающими цветами Рая", будучи непрестанно в борьбе и терпеливом ожидании вожденной минуты вашего взятия из переходящей суеты, когда вы будете пересажены из удела Бого-

² *Архондарик на Афоне* – специальное помещение для приема паломников. – Здесь и далее прим. ред.

³ *Киновия* – общежительный монастырь.

родицы в Удел Царства Небесного». Но во время нашего путешествия мы еще не знаем об этом ските ничего, ибо книга отца Херувима выйдет позже.

Нас встречают два монаха и два мирянина. Дается традиционное афонское угощение: рюмка ракийки (анисовой водки), кусок лукама и стакан воды. Объяснения такому набору среди паломников ходят разные. Зачем нужен стакан воды, объяснять никому не нужно. Да и почему лукум, тоже, в общем, понятно. А водка может вызвать скепсис и удивление среди «монашествующих» мирян: монахи и водка! Наверное, объяснение этому каждый дает какое ему нравится. Некоторые считают, что, придя с жары в прохладное место, человек неминуемо должен простудиться, и для разогрева дается водка. Но мне кажется верным другое объяснение: передвижение по Афону, как правило, связано с большими физическими затратами, усугубляющимися сильной жарой, а как известно, спиртные напитки хорошо восстанавливают силы и снимают усталость. Это действие ракийки мы тут же испытываем на себе. На наши вопросы о мулах и возможности ночлега мы получаем отрицательные ответы. Просим дать приложиться к мощам святой Анны, матери Пресвятой Богородицы. Нас ведут в храм, и я впервые вижу, как благоговейно относятся на Афоне к мощам. Выносить их может только иеромонах или в крайнем случае диакон. Отец надевает епитрахиль, входит в алтарь, отверзает царские врата и выносит мощи. Мы все прикладываемся. Но нужно продол-

жать путь. Кого-то осеняет не очень удачная мысль: у креста свернуть в сторону и зайти в Кераси за мулами. Крест стоит на развилке дорог: одна ведет к Керасям и дальше к румынскому скиту Продром, к Лавре, другая – к святой Анне, третья – на Гору, четвертая – к скиту святого Василия. Рядом с крестом – кран с водой: немаловажная деталь, хорошо понятная афонскому путнику. В Керасях в одной келье мы находим единственного послушника, старец которого ушел и не велел никого принимать. В другой – по закону афонского гостеприимства нам выносят помидоры, хлеб, воду. Мы все это быстро съедаем. Валера подталкивает о. Кирилла спросить еще хлеба «про запас». После этого вопроса послушник исчезает и приводит какого-то компетентного монаха, который скромно поясняет, что мы съели весь запас хлеба. «Наверное, они никогда не видели таких прожорливых паломников», – задумчиво произносит о. Кирилл, и мы, посрамленные, удаляемся. О мулах, разумеется, и речи нет – это была нелепая фантазия. Только покидая Кераси, я вспоминаю, что это место подвигов знаменитого старца Хаджи-Георгия, поражавшего своей строгой аскетической жизнью даже известных подвижников. Тот пост, который он накладывал на себя и своих учеников, был настолько суров, что многие считали его прельщенным. Этот великий старец строго следил за соблюдением у себя в келии «устава совершенного постничества», открытого в таинственном видении старцу Неофиту, послушником которого был о. Георгий в начале своего

монашеского пути. По этому уставу никогда и ни по каким причинам не дозволялось употребление сыра, яиц, молока, рыбы, масла, вина. О. Георгий, будучи еще юношей, поразили своим постом самого султана. В то время пищей Гавриила (таково было его мирское имя) была горсть ячменной крупы, сваренной в воде. Кроме того, ежедневно он полагал по 500 поклонов. «Кто научил такого молодого человека так поститься и молиться?» – удивлялся султан. Ну а мы, конечно, хорошо знаем, кто научил его так поститься и молиться... История с хлебом – это как будто укор самого старца, посланный нам напомнить о духовной жизни. Учиться посту надо всем: будь ты монах или мирянин.

Мнения о длительности предстоящего подъема примерно совпадают, что, отметим, бывает крайне редко. Как мы впоследствии выяснили, эти данные оказались сильно заниженными. Начинаем мы опять бодро, но через час-полтора уже выдыхаемся. О. Кирилл напоминает нам, ставшим заметно словоохотливее, что при восхождении и вообще в дороге монахи стараются молиться: это облегчает путь. Разговоры смолкают. Можно заметить, что люди делятся на две категории: в пути одни становятся замкнутыми и молчаливыми, как бы в трудах экономят силы, а другие, наоборот, разговорчивее, как бы выпускают пар, распирающий их изнутри. Естественно, эти настроения не совпадают и могут привести к конфликтам. Да, трения вообще неизбежны при длительном совместном движении. Эти трения, если они про-

исходят в нормальном режиме, должны способствовать «обработке твердых пород»: сглаживанию углов и шероховатостей. Кстати, можно вспомнить о третьей, самой редкой категории людей. Они словоохотливы, ибо молятся без остановки, и молчаливы, потому что молятся в глубине своего сердца или ума, кому как дано. Одним словом, мы замолкаем и в меру сил стараемся следовать совету о. Кирилла. Это еще более ко времени, так как уже начинает смеркаться и ситуация окрашивается в мрачные тона. Долго мы идем в молчании, все чаще останавливаясь из-за усталости, которая все сильнее прихватывает нас за ноги. Наконец становится совсем темно, в ход идут фонарики: у нас их три. Тут посылается нам еще одно небольшое испытание: они начинают гаснуть друг за другом, как свечи, задуваемые ветром. Порыв ветра – и становится темнее, еще порыв – еще темнее, вот еще одно дуновение – и кругом только тьма. Мы понимаем, что дальше придется идти в полной темноте, ориентируясь на белую гравийную дорожку, которая и так все время норovit выскочить из-под ног. О. Кирилл предлагает присесть и подкрепиться, так как спешить теперь уже не имеет смысла. Мы сидим на краю пропасти, едим наши скромные припасы и смотрим на море с каждой минутой умножающихся огней, и даже кажется, что вот-вот до нас донесется беззаботная музыка, ибо перед нами второй «палец» полуострова Халкидики – Ситония. В этот час на курортах начинается ночная жизнь. Люди, знающие, для чего они туда пришли, будут

предаваться своим ежедневным развлечениям. Первый раз о. Кирилл поднимался на Гору вместе с нашим общим знакомым Михаилом. Тот отправился на Афон, а его супруга – на один из этих курортов, такое вот разделение. Но тут нам приходит в голову, что и мы хорошо знаем, для чего пришли сюда и даже куда пойдем дальше. И сейчас в тишине афонского ночного леса мы особенно ясно чувствуем это разделение. Это разделение поднимает нас на ноги и подгоняет, и мы идем дальше, неся его на своих плечах, и слушаем увещевания о. Кирилла, что еще недолго, что еще чуть-чуть...

Опасности особой мы не чувствуем, хотя в темноте можно сбиться с дороги и начать блуждать; а в итоге можно, конечно, свалиться и в пропасть. Что трудно сделать днем, оказывается весьма простым ночью. К счастью, мы тогда еще не слышали рассказов о демонских силах, которые, будучи изгнаны подвигами монахов, устремляются в пустынные места и наносят вред одиноким путникам вроде нас. Особенно афонское предание отмечает их деятельность на северном склоне Афона: там, говорят, нередки трагические происшествия. Невозмутимый о. Кирилл вдруг очень к месту вспоминает: «Интересно, удалось ли все-таки истребить волков на Афоне?» Так мы, бредя в ночи, узнаем, что в недавнем прошлом на Афоне развелось множество волков и пришлось принимать особые меры для их истребления. Я инстинктивно нащупываю в кармане свой складной нож. А тропинка, если это только тропинка, а не что-нибудь другое, все тянется

и тянется, открывая нам в сумраке новые виды изменчивого афонского ландшафта: то углубляется в лес, чем-то напоминающий иногда русский, то выводит в пустынное скалистое место, то еще куда-нибудь. И в эти минуты, часто останавливаясь, чтобы отдышаться, я вдруг понимаю, что эти наши преходящие трудности – ничто, что потом я долгие годы буду обращаться к этим нелегким теперь минутам и буду просить Бога, чтобы мне еще довелось ступить на эту землю и опять отталкиваться от нее ногами; пусть в такой же крошечной тьме, пусть под палящим солнцем, но только бы вновь ощутить ее под ногами, почувствовать умом и сердцем. Но тогда эта неформившаяся мысль только прилетает откуда-то издалека в гудящую мою голову и так же стремительно исчезает, оставив перед немногими, но назойливыми вопросами: далеко ли еще и туда ли мы идем. Но вот мы на открытом месте, как бы большой площадке, и о. Кирилл говорит, как будто вздыхает: «Ну вот, пришли». Мы различаем обломки какого-то дерева, а чуть дальше – небольшой домик.

Это Панагия, в переводе с греческого – «Всесвятая», место, где, по преданию, останавливалась Божия Мать, когда совершала восхождение на Афон. От Панагии подъем на гору становится гораздо круче, и обычно все путники останавливаются в этом месте для отдыха или ночлега. Панагия – это маленький храм и маленькая комнатка при нем. Кем и когда построен он, неизвестно. Келья же, пристроенная к храму, была воздвигнута Константинопольским патриархом Ди-

онисием (1660–1665), когда он добровольно удалился в скит святой Анны. В сенях мы находим маленький колодец, видимо, обычный афонский водосборник. Важная деталь для путника. В общем, все точно так, как описывают паломники XIX столетия. Если бы путник знал, кем построена эта келья, он бы, наверно, не раз с благодарностью вспомнил имя Константинопольского патриарха. Никакое перо не опишет, каким желанным является этот приют для уставшего паломника. Но был еще один афонский монах, который мог бы заслужить благодарность всех когда-либо совершавших этот нелегкий путь. Это известный духовник русского Пантелеимонова монастыря о. Иероним, живший в XIX веке. Он хотел обновить и церковь, и келью и уже приступил к ремонту, вручив одному греку-келиоту порядочную сумму денег. Но каким-то образом об этом узнали лавриоты, то есть насельники Лавры, бывшей в те годы идиоритмическим⁴ монастырем и переживавшей не лучшие годы. И так как храм находится на территории, принадлежащей Великой Лавре, то последовало активное вмешательство, сведшееся к запрету на русское участие в этом проекте. Впрочем, согласно афонским правилам, лавриоты имели на это полное право. Слишком боялись опасливые епитропы⁵ русских денег...

⁴ *Идиоритмический монастырь* – в отличие от киновийного, то есть общежительного, монахи в нем проживают каждый в своей отдельной келье и сами обеспечивают себе все необходимое для жизни, находясь, однако, под духовной властью игумена.

⁵ *Епитропы* – члены епитропии (попечительской комиссии из трех человек),

В комнате мы обнаруживаем несколько сложенных кроватей. Наскоро жуем остатки сухого пайка, вытягиваемся на кроватях и даем своим телам покой на недолгое время. Сквозь сон слышим свист ветра, который прорывается к нам через щели окна. Сплю или не сплю – не знаю. Встать нужно рано, чтобы до жары подняться на вершину и успеть спуститься вниз, ведь нужно еще к вечеру попасть в Лавру. Ближе мы не надеемся найти ночлег. Утром мы молимся в храме, я прикрепляю к иконостасу иконку преподобного Сергия из нашего храма, и мы, пока жара еще не достигла убийственной силы, поднимаемся на вершину Святой Горы. Подъем со свежими силами проходит довольно легко, хотя на этом участке тропинка уже довольно крута. Усложнившийся подъем напоминает историю, являющуюся как бы продолжением рассказа о неудавшейся реставрации. «В 1887 году в июне месяце изволил прибыть на Святую Гору и прямо в Русский монастырь Святейший Патриарх Иоаким III, на тот момент бывший⁶. Он пожелал также подняться и на вершину. Когда он шел пешком по той дороге от кельи Богородицы, то, вероятно, утомившись, хотя шествовать было очень легко, или же, поняв трудность восхождения для слабых поклонников, высказался так: «Если бы нашелся такой благодетель, который устроил бы дорогу каменного лестни-

которая наряду с игуменом является органом высшей власти в монастыре.

⁶ Автор приводимой цитаты имеет в виду, что в момент описываемого посещения Афона патриарх Иоаким был низложен, лишен своего патриаршего достоинства, в котором вскоре был восстановлен.

цей на самый верх от Панагии (кельи Богородицы), то хотя бы он не имел других добрых дел, я надеюсь, Матерь Божия исходатайствовала бы тому человеку по кончине его упокоевание в Небесном Царствии». Сопутствовавший ему иеродиакон Русского монастыря отец Поликарп хотел сказать: только благословите, всесвятейший владыко, мгновенно все будет сделано в самом лучшем удобстве, но так как тут вместе были кто-то из лавриотов и греки-живописцы, то он и не осмелился, чтобы не завязать нежеланной неприятности. Так и остались слова и желание вселенского владыки гласом вопиющего в пустыне единственно ради самолюбия лавриотов». Такую историю запечатлел «Душеполезный собеседник» – журнал Пантелеимонова монастыря. Но все-таки надо сказать, что молчание инока было в тот момент более уместным, чем поспешное желание выполнить послушание. «Действительно, и улучшать-то слишком Святую Гору в этих отношениях не на пользу для душ бессмертных, что может быть известно только афонцам, отрешившимся от мира для удобнейшего соединения с Богом», – заканчивает «Душеполезный собеседник». И вот мы идем тем же путем, которым шел этот знаменитый патриарх, и, несмотря на трудности, которые для нас не меньше и не больше, чем для константинопольского владыки, мы очень благодарны русскому иеродиакону за его благодатное молчание... По дороге собираем шиповник. Но это совсем не тот шиповник, что растет у нас в России: высота его достигает всего 20–30 см, и

представляет он собой одну только веточку, на которой висит несколько продолговатых ягод. Это весьма своевременное открытие, позволяющее наполнить содержанием кипиток, который можно будет приготовить на обратном пути в Панагию. Хотелось бы взглянуть на «цветок Богоматери», но никто из нас не знает, как он выглядит. Один из паломников прошлого века так пишет о нем: «Цветок Богоматери, похожий на маленькую розу, принадлежит к породе иммортелей и имеет медовый запах. Про него ходит много легенд. Растет на обрывистых и неприступных высях гор». В прошлом веке в Карее шла бойкая торговля этим цветком. Каждый паломник считал, что должен обязательно приобрести его на память. Спрос рождал предложение, и многие монахи, особенно отшельники, отправлялись на опасный промысел. И ежегодно несколько монахов разбивались в результате несчастных случаев. Описывают удивительный эпизод, происшедший с одним болгариним во время сбора цветков Богоматери. Собирая иммортели вблизи самой вершины горы, этот монах поскользнулся и свалился в бездну, но на лету зацепился кушаком за камень и повис на нем. Стал отыскивать опору, кушак соскочил, и он опять полетел, но у самого дна пропасти зацепился рясой за куст и уже сам спрыгнул на землю. Этот болгарин служил предметом общего удивления на Афоне. Ясно, что случайными такие полеты с мягкими приземлениями не бывают. Поднимаясь все выше и выше, мы не видим ничего, что могло бы быть принято за цветок

Богородицы. И здесь оскудение.

Вот мы и на вершине. Здесь стоит храм Преображения Господня. Лишь в канун своего престольного праздника, раз в году, он наполняется монахами, которые совершают здесь литургию. Это как бы второй – монашеский – Фавор, зиждящийся на посте и молитве, и, поднявшись сюда физически, не стоит забывать о том, каких невероятных трудов стоит достичь сокровенной, духовной вершины Афона! Подняться на этот Фавор, который для каждого из нас сияет своим неизреченным Божественным светом, – значит достигнуть святости, взобраться до половины – спастись... На высоту же 2033 метра действительно забраться довольно легко. К сожалению, омрачающие нашу радость окурки, отметины мира, сопровождают нас всю дорогу и, как и следует ожидать, концентрируются на вершине. Говорят, немцы проделывают путь до Панагии на мулах и только последний участок проходят пешком.

«Подняться на эту возвышенность (вершину Афона) в настоящее время нетрудно, так как заботами проживавшего на Афоне вселенского патриарха Иоакима III путь, ведущий к вершине горы, а равно и имеющаяся там часовня Преображения довольно хорошо были исправлены и отремонтированы». Вот таким образом вселенский патриарх, хорошо известный Афону конца XIX – начала XX века как келиот, все же оставил о себе память на вершине Святой Горы. Так Игуменья обратила взоры патриарха к действительно необ-

ходимому деянию и отвела его внимание от пустых трудов, способных только лишить паломника необходимой для него жертвы.

Слегка опьяненные радостью достижения цели мы наконец прикладываемся к металлическому кресту, стоящему на вершине, на котором написано: «1897 год». «Крест, хранитель всея вселенная; крест, красота церкви; крест, царей держава; крест, верных утверждение; крест, ангелов слава и демонов язва». Пройдет несколько лет, и один схимонах обратит наше внимание на странный вид этого креста. По православной традиции справа от креста изображается копие, а слева – трость с губой. В этом случае мы видим с левой стороны копье, а справа – «топорик». Мы достаем фотографию и убеждаемся, что это действительно так. Но теперь это упущение исправлено скудными возможностями отшельника. Но упущение ли? Разве можно забыть, как должен выглядеть крест, особенно когда ставишь его на вершине Святой Горы Афон? Кто искажил крест: силы видимые или невидимые? Кто ответит на этот вопрос? Сегодня, наверное, уже никто.

Смотреть с горы особенно некуда, так как она утонула в облаках, и нам остается только, как и Маевскому, поверить, что в ясную погоду отсюда можно увидеть даже Константинополь. Затем о. Кирилл служит молебен в храме, с виду напоминающем небольшой домик. Мы поминаем всех своих близких, друзей, родных, которые сейчас где-то там да-

леко, внизу... Мы мечтаем: «А вот бы отслужить здесь, на вершине, литургию...» Сейчас это трудно предположить, а раньше... «Представьте мое удивление при взгляде на святой антиминс, – пишет Барский, – он русский. – Какими судьбами, – воскликнул я, – эта драгоценность перенеслась с низменностей православного севера на заоблачную высь священного Афона? С благоговением раскинул я под солнышком, ярко и светло игравшим, эту на престольную святыню и прочел на верху ее следующую надпись: "Антиминс, сие есть трапеза священная на приношение безкровных жертвы в Божественной Литургии освятится благодарю Пресвятаго и Животворящаго Духа, сего ради имеет власть священнодействовати во Храме, верху Афона, Преображения Господа". Нижняя часть антиминса: "Повелением Благодетельнейшая, Самодержавнейшая, Великия Государыни наша Императрицы Елисаветы Петровны всея России, благословением Святейшаго Правительствующаго Синода, лета міроздания 7250, от Рождества Христова 1742, индикта месяца іюлія в день..."» Да, было время, и был русский антиминс. И сколько всего русского было... И кто бы мог помешать русскому священнику служить на вершине Афона? Теперь такое пожелание вылилось бы в большую проблему и, скорее всего, оказалось бы погребенным в противоречиях между Москвой и Константинополем.



Паломники у креста на вершине Афонской Горы

Один паломник XIX столетия, пришедший в ветхий «до-иоакимовский» храм, увидел его в разоренном состоянии: нижняя часть купола отвалилась, и камни в беспорядке валялись на полу. Иконостас был исковеркан так, что иконы не стояли на своих местах, половые плиты и доски были выворочены. Иконы иконостаса, сделанные ввиду здешней сырости из меди, казались как бы простреленными. И воображение уже рисовало зверства турок. Но в действительности это совершили обыкновенные молнии, которые часто находили себе не лучшую цель в виде храма. Теперь такого не бывает, наверно, благодаря мощному металлическому крепежу креста, делающему вершину неуязвимой для молний.

К чему подниматься на гору? Что это – «православный спорт»? Что там такого – вершина как вершина... Рассказывают такую историю. Один православный архиерей, отличавшийся особенной грузностью, приехал на Синай в составе паломнической группы. Было жарко, и он всех стал отговаривать подниматься на гору, дескать, и внизу можно помолиться. Его почти никто не послушал, а когда все благополучно спустились, то узнали, что владыку, находившегося внизу, хватил солнечный удар. Конечно, любому могут закрадываться мысли: «Зачем эти физические упражнения?» Но только ли физические? Вспомним: вершина эта возвышается над всем Афоном – уделом Божией Матери, и Сама Божия Мать восходила на эту гору. И уже по одному этому факту место сие достойно почитания. И, кроме того, нужна от нас хоть небольшая жертва Богу. Если мы, жестоковывные, не можем принести Богу «дух сокрушен», жертву покаяния, то можем принести хотя бы небольшую жертву в виде пота, усталых отяжелевших рук и ног, в виде стремления к цели и обращения за помощью к Проводнику для достижения ее. Все это, такое незначительное и легкодоступное, делает нас обладателями небольшой по проявлению и необъяснимой по происхождению радости, приносящей в сердце человека покой и тишину, которую я дерзну назвать благодатью. Необъяснимо ее происхождение только в первый момент, но, когда задумываешься, понимаешь, от Кого эта радость происходит, тогда и всплывает в уме слово: «благо-

дать». Такие малые дела и благодать. Тут на опыте постигаешь, что в действительности дается она втуне, а дела – это только подготовка к ее приятию. Существует современное поверье, что восхождение на Святую Гору помогает человеку избавиться от вредных привычек. Некоторые отнесутся к нему с улыбкой. Может, они и правы. Но один паломник, поднявшийся на гору с преодолением множества физических и духовных препятствий, уверял меня, что избавился от дурной привычки заглядываться на голубой экран. Что же, в нынешние времена освобождение от электронных призраков пока только виртуального ада дорогого стоит. Улыбнись, недоверчивый читатель: как просто – немного потрудиться физически и освободиться духовно! Слишком просто! Но вот передо мной слово известного афонского подвижника, упомянуть которого придется еще, наверное, не раз: «Вот вы теперь пойдете по горе и будете на вершине Афона, там положите каждый по сорок земных поклонов с молитвою: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго". И там оставьте каждый свои страстные привычки: если кто из вас имел пристрастие к табаку, курил или нюхал, – отселе оставь эту гнусную и богопротивную страсть: если употреблял напитки и особенно неумеренно, отнимая этим насущные потребности у семьи, то ради Господа, вкусившего за тебя оцет с желчью, положи в душе своей начало: отселе никогда не употреблять их; эти и многие другие подобные им страсти, какими ты бы ни обладал, оставь там, на горе, и

твердо в сердце своем положи впредь более не прогневлять Бога. Исполни это – и Господь всегда будет с тобой». Старцу Хаджи-Георгию, жившему почти при подножии горы, наверное, лучше нас были известны благодатные последствия восхождения.

Тут же мне вспоминается другая история, происшедшая в конце XIX века с двумя старообрядцами Федосеевского согласия. Если смотреть с вершины на Святую Гору, то можно увидеть, что она образует как бы четырехконечный крест. Это заметил и прп. Афанасий. И, быть может, поэтому у паломников возник обычай вырезать на камнях четырехконечный крест и подписывать свои имена. Так вот что рассказывает спутник федосеевцев: «Между тем, рассматривая кресты и подписи фамилий, мои спутники вдруг оцепенели и изменились, глядя на близлежащий осколок мраморной плиты с надписью и с четырехконечным крестом: они встретили на ней имена своих давно умерших родичей. Но что же их так смутило? То, конечно, что их родичи – прадед Ляпихин и внук его, были истые старообрядцы, а между прочим при посещении вершины Афонской Горы поступили вопреки святоотеческим заветам. Они, блюстители и распространители Федосеевского толка, сделали здесь на камнях, по примеру никониан, не только начертания своего звания, имени и фамилии, но, что всего ужаснее было для них, вырезали под именами своими большой четырехконечный крест, который есть, по их толку, крыж латинский и которого не

только нельзя начертывать старобрядцу-учителю, но и, Боже упаси, занести случайно в дом свой. Ибо на того Христос, по Писанию, уже налагает язвы, все беды и проклятия, изреченные в Апокалипсисе, и тому человеку не будет прощения ни в сем веке, ни в будущем». Вот какие открытия ожидают иногда паломника на вершине Афона. И в случае со старобрядцами это был первый шаг к освобождению от заблуждения. Внизу их ждала встреча с карульским старцем и еще один шаг к прозрению. Так что «спортивное» мероприятие иногда может повернуть человеческую жизнь в нужном направлении. А иногда этот подъем становится только первой ступенью духовного восхождения.

В XVI веке один старец воспылал ревностью по Боже и хотел идти проповедовать слово Божие в страны, попираемые агарянами. Но, как истинный монах, он вначале обратился с горячей молитвой ко Господу здесь, на вершине. Совершил он всенощное бдение с двумя учениками в храме Панагии. И вот в видении является ему некий светлый муж, убеленный сединами, и говорит: «Богу угодно, чтобы ты исполнил то, что задумано». После сего преподобный взошел на вершину и стал молиться, обратившись лицом к востоку. На рассвете он был в исступлении, как бы вне себя, и видел Ангела Господня, который принес ему три хлеба, черных по виду, и сказал: «Возьми и ешь. Невозможно, чтобы вы не вкусили их». Преподобный Иаков, так звали старца, объяснил ученикам, что воля Божия на то, чтобы продолжить на-

чатый ими путь, а три хлеба означают, что все трое скончаются смертью мучеников. И отправился в Этолию и проповедовал христианскую веру, назидал и призывал неукоснительно выполнять заповеди Божии, данные в Евангелии, за что и был предан мученической смерти после долгих пыток в 1520 году. Рядом с ним, одесную и ошуюю, были повешены и два его ученика, как истинные послушники, разделившие участь старца. И по смерти не надлежало им разлучиться, и сбылось предсказанное старцем еще в темнице: «Мы опять будем вместе близ Солуня, в монастыре св. Анастасии». Там были положены их честные мощи, по обычаю выкупленные христианами у мучителей. Сбылось и другое предсказание старца, сделанное Селим-паше, прославившемуся своей жестокостью и умертвившему даже собственных братьев, и через 9 месяцев душа его разделилась с телом. Наверно, и поныне в келье Иоанна Предтечи близ Иверского монастыря есть источник, изведенный по молитве старца и названный «агиасмой святого Иакова». Вот куда иногда ведет дорога с вершины...

Находясь на вершине Афона, располагающей к неторопливым размышлениям, вспоминаешь бывшее величие России. Тут и русский иеродиакон, который по одному слову Вселенского патриарха мог подвигнуть своих соотечественников на грандиозные работы, и русский антиминс в храме Преображения. Ипполит Федорович Красковский, человек весьма уважаемый, статский советник и корреспондент «Москов-

ских ведомостей», оставивший прекрасные воспоминания о первом русском игумене Пантелеимонова монастыря Макарии, приехал на Святую Гору с полным набором интеллигентских заблуждений об Афоне, свойственных тому времени. И тут произошло его первое, пусть малое, преображение. И счел он возможным, сбросив обувь, карабкаться по скалам Карули, а от простуды, по совету одного престарелого схимника, лечился трехдневным совершенным постом, причем лекарство оказалось самым надежным. Но о путешествии статского советника по Каруле поговорим потом. Скажем только о том, что увидел он здесь, на вершине, в ночь под Преображение: «Выползли из своих пещер на вершину Афона и старики столетние, были и молдаване, и сербы, и болгары, и черногорцы. Греков заплотили: всюду слышна русская или славянская речь». Дело, конечно, не в количественном превосходстве одних над другими, а в том вкладе, который вносила некогда Россия в афонскую жизнь. Пересох источник, и нечем оросить пустеющий и засыхающий вертоград. Число жителей в уделе Божией Матери сильно сократилось.

Но перед тем как сделать шаг вниз, хочется немного утешить пострадавшее национальное чувство, правда, примером тоже из давнего прошлого. Каждому афонцу известно, что жить на самой вершине невозможно. И все же лаврский Проскинитарий, другими словами, путеводитель, напечатанный около 1775 года в Венеции, сообщает читателю,

что на самой вершине подвизался русский пустынник – преподобный Савва.

Короче говоря, с горы мы спускаемся немного другими... Внизу разводим костер, чтобы сварить чай из шиповника. Но где взять дрова? Валера отламывает сук от полусгнившего дерева, из него выскакивает скорпион и какой-то своей частью прицепляется ему за палец. Но он так быстро стряхивает агрессора, что тот не успевает ужалить. Почти что эпизод из Деяний апостолов, но все с учетом нашей немощи. А дальнейшие события дня как бы вытекают из его начала: дальняя дорога, но уже более легкая, несмотря на палящее солнце. Ночевка в Лавре, где в сумраке мы еще успеваем посетить бывшее языческое капище и место первоначальных подвигов прп. Афанасия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.